

ТРАДИЦИОННЫЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ЖАНРОВЫЕ ФОРМЫ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЯЗЫЧНОЙ ПОЭЗИИ БЕЛАРУСИ

Жанровая картина современной русскоязычной поэзии Беларуси весьма разнообразна. С одной стороны, большинство поэтических текстов составляют традиционные поэтические жанры (*стихотворения, поэмы, сонеты, элегии* и др.), с другой стороны, встречаются экспериментальные стихи (*акростихи, палиндромы, фигурные стихи* и т. д.), а также поэтические произведения, жанр которых не поддается традиционной классификации.

Жанровое разнообразие в творчестве того или иного поэта чаще всего зависит от желания поэкспериментировать в сфере различных жанровых

форм, а также от личных пристрастий к какому-либо жанру. Существенным моментом является и тот факт, что иногда жанровые определения самих поэтов своих произведений отличаются от реально существующих в литературоведении понятий. Но полностью стереть жанровые границы невозможно. Даже сейчас, когда никакие заранее предписанные нормы поэту не указ, некоторые группы стихотворений легко вычлениваются из общего потока лирики – как по условным признакам, так и по природе самого поэтического высказывания.

Большинство стихотворений современные русскоязычные поэты Беларуси создают, если следовать за классификацией В.П. Рагойши, в традиционном, можно сказать классическом для белорусской литературы, русле философско-медитативной лирики. Для стихотворений, относящихся к медитативной лирике, характерна поэтизация душевной сосредоточенности, размышления о жизни и смерти, о любви, о природе и человеке, о загадочности человеческой души. Они строятся как «непосредственные созерцания, индивидуализированные «умозрения», направленные к постижению сокровенных закономерностей бытия» [1, с. 520]. И хотя большинство стихотворений современных русскоязычных поэтов можно отнести к этой жанрово-тематической разновидности поэзии, как таковые характерные для нее жанры *элегии, оды, послания* мы наблюдаем достаточно редко. В XX веке *элегия* теряет жанровую отчетливость и термин выходит из употребления, оставаясь лишь знаком традиции, и употребляется как заглавие циклов и отдельных стихотворений некоторых поэтов [1, с. 1228]. Однако элегическое начало характерно для многих стихотворений таких современных поэтов, как А. Сарапкин, А. Аврутин, В. Поликанина и др. [3]. Живучесть этого жанра в современной поэзии Беларуси неудивительна, поскольку «элегия» в переводе с греческого означает жалобная песня, а истоки белорусской литературной элегии – в народной песне, для которой также характерны грусть, тоска, «меланхолия из-за общественной несправедливости, семейного несчастья или личного горя» [2, с. 382].

Достаточно редки в современной русскоязычной поэзии Беларуси такие лирические и лиро-эпические жанры как *баллада, поэма, стихотворение в прозе, романс*. Современный романс представлен единичными образцами у А. Скоринкина («Городской романс»), А. Аврутина («Был обманчив июль...») и «Кричи иль не кричи...»), в ироническом ключе у Н. Чаклиной-Горбачевой («Попытка романа»). В жанре поэмы весьма продуктивно сегодня работает Л. Шадукаева. В «Немиге литературной» печатались ее поэмы «Дом у дороги», «Глаз Агриппы», романтическая поэма-мистерия «Ноктюрн на крыше».

Стихотворениям в прозе Г. Тисецкого и К. Кобальт присущи все характерные черты жанра: повышенная эмоциональность, бессюжетная композиция, общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания

(«Оковы», «О божественный объем, заполняющий мысли...» Г. Тисецкого, «В ожидании образов», «Молчание секунд...» и др. К. Кобальт). Эти стихотворения настолько эмоционально насыщены, что у поэтов часто не хватает слов для выражения своих чувств, остаются лишь многоточия.

Менее эмоциональны, но не менее философичны современные русскоязычные поэты в таком уже традиционном для белорусской литературы жанре как *сонет* («Сонет» А.Бородача, «Сонет» Т. Лебедевой и др.). Традиционные поэты и при создании *венков сонетов*. Как известно, венок сонетов состоит из пятнадцати связанных сонетов, последний 15-й – магистральный, т.е. основной: каждая его строка представляет собой первую строку всех предшествующих ему 14-ти сонетов. Именно такую форму имеют венки сонетов А. Тереховой «Джоконда в Копенгагене», «Коромысельщик» и «мебиусный венок сонетов», состоящий из лицевого и обратного магистрала, «Уроборок» Г. Артханова. Глеб Артханов, используя классическую форму сонета, все же достаточно авангарден и в рифмах, и в философской насыщенности (можно даже сказать сгущенности) своих стихотворений. Другие твердые формы стиха в современной русскоязычной поэзии встречаются редко.

Немногочисленны (по сравнению с традиционными жанрами) экспериментальные стихотворения – оригинальные стихи, построенные на нетрадиционных способах рифмовки, построения строф и т. п. Пример *терцета* мы находим в поэзии Дмитрия Строщева:

*тихой глиной накормлю
потому что сам люблю
солнце-бубен
слышу-слышу, под травой
бьется сердце головой
в пепел голубой
поскорее выходи
пахнет хлебом из груди
косточка поет*

Пример *тавтограммы* – у А. Аврутина:

*Прозрачный призрак принес прозренье,
Под простынею письмо пронес.
Падет позорное подозренье –
Письмо положено под поднос.
<...>*

В современной поэзии также редко встречаются *акростихи*, каких-либо серьезных и значимых произведений в этом жанре создано не было. Несмотря на то, что акростих воспринимается как литературное трюкачество

и игра, он всегда притягивает к себе поэтов, не равнодушных к экспериментам, – своей визуальностью и изощренной техникой письма, как, например, В. Макутя в акrostихе «Иначе никак», где первые буквы всех строк образуют название стихотворения.

Нестандартное мышление приводит современных поэтов к созданию авторских жанровых модификаций, каковыми являются, например, «P.S.словицы» Дмитрия Дмитриева: «Прозябание собой / Называют Судьбой», «Семь шкур спусти, / Один раз прости», «Встречают без одежды / Провожают по словой дорожке»; или «Миниатюры» С. Жуковского («...правду в глаза говоря, / право, / стараешься зря, / ибо глазам все равно / слышать тебя / не дано...»), для которых характерна скрытая или явная ирония.

Современные русскоязычные поэты Беларуси, используя традиционные жанровые формы, наполняют их новым содержанием, иногда преобразуют и формально. Для молодых поэтов характерны поиски самоидентификации в пространстве уже «после постмодернизма» (А. Занковец, Д. Лецко, М. Куновская, Д. Дмитриев, К. Михеев и др.). С одной стороны, они продолжают традиции классической белорусской поэзии (серьезность, неигровой характер поэтического высказывания, исповедальность, ответственность поэтического текста), с другой – поэтов 1990-х гг. отличает высокая степень рефлексии и попытка понять, что и как пишется, удвоение поэтического «я», провоцирующее «тотальную неуверенность» лирического субъекта.

*Кто это? Кто это?! Кто это?! Я?!!
Нет, вы безумны. Вы слишком несдержанны
“...Юный ангел” – не про меня,
Я расстроена! Я рассержена!
Где же искры раскосых глаз?
“Скифы” Блока – вот моя ценность.
Не виновата – не на показ!
Ну же, возьмите мою откровенность...*

(Алена Занковец)

*Ты видишь отраженный свет.
Я – зеркало. Я твой предмет.
Дыра, прибитая к стене.
И страшный вакуум во мне.*

(Дарья Лецко)

Это превращение и осознание себя чем-то другим, попытка (пусть и несколько несерьезная) отстраниться от самого себя. За счет отстраненности от поэтического «я» происходит разрушение стихотворной формы, как, например, в стихотворении Г. Бартоша «Варианты»:

*Отворите мне дверь...
О, я вам расскажу
все, что видел и знаю
все, что пережил в этих дорогах
о чем мне стучит по ночам
неспокойное сердце.
Отворите мне суть
я ведь только рисуюсь
притворяюсь, что знаю её досконально
а на деле – всего лишь на подступах к ней...*

Поэт пытается найти себя, представляя нам различные варианты своего «я» в сборнике «Семь верлибров» [4]. Потеря себя вызывает, как следствие, разрушение формы стиха, что, в свою очередь, приводит к такому типу стихосложения, для которого характерен последовательный отказ от всех «вторичных признаков» стиховой речи: рифмы, слогового метра, изотонии, изосиллабизма и регулярной строфики, т.е. свободному стиху – верлибру. Вариации свободного стиха представлены в современной поэзии Беларуси верлибрами З. Атаоллахи («Шторы жизни беременны ветром страдания...»), «На ветру пронесшихся лет...»), Л. Динерштейна («Ирландия далеко...»), Т. Скарынкиной («рыба мама») и др.

Эксперименты в области стихотворных форм, наблюдаемые в поэзии Д. Строщева, Л. Динерштейна, Т. Скарынкиной, З. Атаоллахи, А. Сарапкина, Д. Дмитриева значительно дополняют жанровую картину современной русскоязычной поэзии Беларуси.

Л и т е р а т у р а

1. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина. – Москва: НИК “Интелвак”, 2003. – 1600 стб.
2. Рагойша, В.П. Паэтычны слоўнік / В.П. Рагойша. – Мінск: Вышэйшая школа, 1987. – 414 с.
3. Современная русская поэзия Беларуси: антология / сост. А.Ю. Аврутин. – Минск: УП «Технопринт», 2003. – 200 с.
4. Семь верлибров: сборник стихотворений [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.lito.ru/sbornik/2831.html – Дата доступа: 16.05.2008 г.